

к у л ь т у р а р е к о н с т р у к ц и я

Викентий Вересаев

к у л ь т у р а р е к о н с т р у к ц и я

Викентий Вересаев

ПУШ
КИН

В ЖИЗНИ

ОГИ2

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В31

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается*

Художественное оформление — *Владислав Воронин*

Вересаев, Викентий.

В31 Пушкин в жизни / Викентий Вересаев. — Москва :
Издательство АСТ, 2024. — 832 с. — *(Культура.
Реконструкция).*

ISBN 978-5-17-163764-4

Викентий Вересаев (1867 — 1945) — русский писатель, переводчик, литературовед. Лауреат Пушкинской и Сталинской премий. В его творческом наследии — переводы, жизнеописания известных исторических личностей, мемуары, документалистика, литературоведческие работы.

Очередной библиографический справочник, или краткая биография поэта, нет, вас ждет нечто необычное — встреча с «живой» книгой о живом Пушкине. Таким, каким быть может мы его и не представляли: как он выглядел, как учился, о чем думал и мечтал, о его друзьях и врагах. Это повествование прежде всего, о Пушкине-человеке и лишь потом о великом Пушкине-поэте. Его облик воссоздан по воспоминаниям его современников и историческим документам. Вот, как сам В. Вересаев писал об этом: «В течение ряда лет я делал для себя из первоисточников выписки, касавшиеся характера Пушкина, его настроений, привычек, наружности и пр. По мере накопления выписок я приводил их в систематический порядок. И вот однажды, пересматривая накопившиеся выписки, я неожиданно увидел, что передо мной — оригинальнейшая и увлекательнейшая книга, в которой Пушкин встает совершенно как живой...»

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Предисловие к первому изданию

Книга эта возникла случайно. Меня давно интересовала своеобразная личность Пушкина. «Ясный», «гармонический» Пушкин, гениальный «гуляка праздный», такой как будто понятный в своей нехитрой гармоничности и благодушной беспечности, — в действительности представляет из себя одно из самых загадочных явлений русской литературы. Он куда труднее понимаем, куда сложнее, чем даже Толстой, Достоевский или Гоголь. Меня особенно интересовал он, как живой человек, во всех подробностях и мелочах его живых проявлений. В течение ряда лет я делал для себя из первоисточников выписки, касавшиеся характера Пушкина, его настроений, привычек, наружности и пр. По мере накопления выписок я приводил их в систематический порядок.

И вот однажды, пересматривая накопившиеся выписки, я неожиданно увидел, что передо мной — оригинальнейшая и увлекательнейшая книга, в которой Пушкин встает совершенно как живой. Поистине живой Пушкин, во всех сменах его настроений, во всех противоречиях сложного его характера, во всех мелочах его быта, его наружность, одежда, окружавшая его обстановка. Весь он — такой, каким бывал, «когда не требовал поэта к священной жертве Аполлон»; не ретушированный, благонравный и вдохновенный Пушкин его биографов, — а «дитя ничтожное мира», грешный, увлекающийся, часто действительно ничтожный, иногда прямо пошлый, — и все-таки в общем итоге невыразимо привлекательный и чарующий человек. Живой человек, а не иконописный лик «поэта».

Незаменимое достоинство лежащего передо мной материала — что я тут совершенно не завишу от исследователя, не вынужден смотреть на Пушкина его глазами, руководствоваться цитатами, которые ему заблагорассудится привести. Передо мною — возможно полное собрание отзывов о Пушкине, и на их основании я имею возможность делать свои самостоятельные выводы. Отзывы эти были разбросаны по разнообразнейшим журналам, газетам, книгам, часто очень труднодоступным; всякий,

желавший составить себе самостоятельное представление о Пушкине, должен был проделывать долгую и кропотливую работу по собиранию материалов. Здесь эти материалы лежат перед читателем собранные, распределенные в систематическом порядке.

Прежде всего передо мною встал вопрос: какие сведения вводить в эту книгу? Все ли, до нас дошедшие, или только критически проверенные? Ведь вот и у самого Хлестакова мы находим воспоминания о Пушкине. Вы помните? «С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: — Ну что, брат Пушкин? — Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то все... Большой оригинал!» Таких вспоминателей о Пушкине, — попросту сказать, вралей, в действительности, может быть, никогда даже и не видевших Пушкина, — в пушкинской литературе немало.

Дальше идет целая категория вспоминателей, стоявших в несомненной близости к Пушкину или к близким ему лицам, — и тем не менее очень мало достоверных. Большое сомнение внушают, напр., немногочисленные сведения, сообщенные о поэте его отцом Сергеем Львовичем, вроде утверждения, что Пушкин, поступая в лицей, говорил по-английски или что он в зрелом возрасте выучился испанскому языку. Некоторые подозрения вызывают и воспоминания о Пушкине его брата Льва, относящиеся как раз к тому времени, когда братья жили врозь. Чудовищно недобросовестны воспоминания Л.Н. Павлицева, сына сестры поэта, Ольги Сергеевны. Он заставляет Пушкина произносить суконным языком длинейшие и глупейшие, явно им выдуманные речи. Мало того: даже приводимые им якобы подлинные письма матери его и письма к ней сплошь им фальсифицированы. Это обнаружилось, когда Павлицев, после издания своей книги, неосторожно продал подлинники писем Академии наук, и они были напечатаны в издании академии «Пушкин и его современники». Не внушают решительно никакого доверия и пресловутые «Записки А.О. Смирновой», изданные «Северным Вестником». Они настолько «обработаны» ее дочерью Ольгою Николаевною Смирновой, что нет никакой возможности отделить краткие сообщения матери от пространных измышлений дочери, — фальсификаторши, нужно сознаться, весьма умной и талантливой, не в пример Л.Н. Павлицеву. Большую, напротив, ценность представляют подлинные записи А.О. Смирновой, опубликованные в «Русском Архиве» и некоторых других изданиях.

Далее идут показания случайных знакомцев Пушкина, воспоминания о мимолетных встречах с ним — сообщения весьма различного достоинства и различной степени достоверности. Здесь мы, однако, встречаем такие ценные заметки, как воспоминания И.С. Тургенева или И.А. Гончарова. Рассказы «старожилов», записанные любителями через несколько десятков лет после вспоминаемых происшествий, — материал в большинстве случаев весьма сомнительного качества.

Более или менее достоверный материал прежде всего, конечно, представляют показания самого Пушкина в его письмах и автобиографических заметках. Однако с полным доверием принимать нельзя и их. В письмах, напр., к ревнивой своей жене Пушкин явно старается изображать свое поведение и свой образ жизни в слишком уж образцовом виде. Большого доверия заслуживают, в общем, воспоминания близких к Пушкину И.П. Липранди, И.И. Пущина, А.П. Керн, П.А. и П.П. Вяземских, П.В. Нащокина, П.А. Плетнева. Полезным противовесом к односторонне хвалебным воспоминаниям друзей являются такие враждебные к Пушкину воспоминания, как воспоминания барона (впоследствии графа) М.А. Корфа, С.Д. Комовского, Кс.А. Полевого, А.В. Никитенка, А.Н. Вульфа, А.П. Араповой и др. Особое место занимают сведения, сообщаемые П.В. Анненковым («Материалы для биографии Пушкина» и «Пушкин в Александровскую эпоху») и П.И. Бартевым («Пушкин в Южной России» и многочисленные заметки в издававшемся им «Русском Архиве»). Ни Анненков, ни Бартев лично Пушкина не знали. Но они были знакомы со многими из ближайших друзей Пушкина и с большою тщательностью собирали у них по горячим следам все, что те могли сообщить о Пушкине. Сведения, сообщаемые Анненковым и Бартевым, вполне носят поэтому характер первоисточников.

Какие же сведения о Пушкине допустимо приводить в предлагаемой мною читателю книге? Ограничиваться только строго проверенными сведениями, откидывая все, сколько-нибудь возбуждающее сомнение? Но то была бы совсем другая книга, и она носила бы слишком субъективный характер. М.К. Лемке, напр. (Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909, изд. 2-е, с. 491), считает «безусловно соответствующим истине» рассказ чиновника Третьего отделения А.А. Ивановского о разговоре его с Пушкиным в 1828 г. Мне же кажется совершенно невероятным, чтобы Пушкин мог так разговаривать с Ивановским. В этой книге мне хотелось собрать более или менее все, что сообщалось о личности Пушкина, устраняя лишь явно невероятные, явно выдуманные сообщения, как, напр., рас-

сказ Ципринуса (О.А. Пржецлавского) об отношениях между Пушкиным и Мицкевичем (Рус. Арх. 1872, с. 1906—1907) или сообщение Льва Пушкина, будто в Кишиневе на обедах генерала Орлова прислуга обносила Пушкина блюдами, — сообщение, энергично опровергаемое Липранди*. Исходя из этих соображений, я позволил себе, — правда, с большою осторожностью, — пользоваться даже такими книгами, как «Воспоминания» Л. Павлицева или «Записки» А.О. Смирновой. В распоряжении авторов были, несомненно, подлинные материалы, касавшиеся Пушкина, и можно, — с некоторым, по крайней мере, вероятием, — предположить, что Павлицев не выдумал того или другого эпизода из детства Пушкина, сообщаемого им со слов своей матери, и что у Пушкина, действительно, могла быть привычка, отмечаемая Смирновой, — выходить из комнаты, заканчивая речь громким смехом, — привычка, отмеченная и И.С. Тургеневым. Я счел далее возможным включить часто цитируемые выдержки из дневника поэта Теплякова, приводимые А. Греном. Выдержки, конечно, не подлинные: таким бездарным языком Тепляков не мог писать; Пушкин в 1821 году не мог показывать Теплякову писем поэта Языкова. Но не исключена возможность, что приводимые сведения были сообщены Тепляковым Грену в устной форме или что Грен их только прочел в дневнике Теплякова и цитировал на память: для выдумки сообщаемые сведения слишком уж мелки. То же и относительно воспоминаний г-жи Францовой. Приводимые этою наивною дамою якобы подлинные стихи Пушкина, конечно, грубая подделка. Но на этом основании мы не можем утверждать с полной уверенностью, что и сообщаемые ею семейные предания о Пушкине тоже сплошь выдуманы.

Многие сведения, приводимые в этой книге, конечно, недо-стоверны и носят все признаки слухов, сплетен, легенды. Но ведь живой человек характерен не только подлинными событиями своей жизни, он не менее характерен и теми легендами,

---

* Лев Пушкин рассказывает: «На обедах военная прислуга его обыкновенно обносила, за что он очень смешно и весело негодовал на Кишинев» (Л. Майков, 8). Совершенно невероятно, чтобы самолюбивый и раздражительный Пушкин мог «весело негодовать» на такое с собой обращение. Источник, из которого, все перепутав, почерпнул Лев Пушкин свое сообщение, вполне очевиден. Путешествие в Арзрум, гл. II «Генерал Стрекалов, известный гастронном, позвал однажды меня обедать; по несчастью, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Черт побери тифлисского гастронома». — *Здесь и далее не подписанные примечания принадлежат В.В. Вересаеву.*

которые вокруг него создаются, теми слухами и сплетнями, к которым он подает повод. Нет дыма без огня, и у каждого огня бывает свой дым. О Диккенсе будут рассказывать не то, что о Бодлере, и пушкинская легенда будет сильно различаться от толстовской.

В этой книге перед нами живой Пушкин, но, конечно, окутанный дымом легенд и слухов. До какой степени, однако, интересно сопоставление разного рода сообщений даже сомнительного качества, показывает хотя бы, напр., история путешествия Пушкина из Одессы в Михайловское в августе 1824 года. Сообщения явно не совпадают друг с другом, явно друг другу противоречат, и, однако, всякий, я думаю, согласится, что в сумме они дают нечто весьма интересное и весьма для Пушкина характерное.

Повторяю: критическое отсеивание материала противоречило бы самой задаче этой книги. Я, напротив, старался быть возможно менее строгим и стремился дать в предлагаемой сводке возможно все, дошедшее до нас о Пушкине, кроме лишь явно выдуманного.

Само собой разумеется, книга эта даже в отдаленной мере не сможет заменить настоящей биографии Пушкина. Но я был бы рад, если бы она сделала излишними те многочисленные писания, которые до сих пор сходят за биографические статьи о Пушкине: надергает человек интересных цитат из Липранди, Пущина, Керн, Анненкова, Бартенева, разведет их водою собственного пустословия, и биографическая статья готова.

Еще одно: вполне сознательно я не привожу ни одного поэтического показания Пушкина, хотя бы носящего явно автобиографический характер; у всякого поэта, а у Пушкина в особенности, *Dichtung* сильно различается от *Wahrheit*^{*}, и поэтическое произведение никогда не бывает голым дневником поэта.

Большие трудности представляло распределение собранного материала в хронологическом порядке там, где точных дат в источниках не давалось. В ряде случаев помещение такой-то выдержки именно в таком месте обуславливалось целым рядом соображений, сопоставлений и справок, приводить которые я считаю из-

---

^{*} Поэзия... реальности (нем.). — Здесь и далее сноски, сделанные редакцией настоящего издания, снабжены пометкой «Ред.».

лишним. Нередко, однако, помещение выдержки именно в данном месте являлось несколько произвольным. Но я старался при этом не вводить читателя в заблуждение. В начале подобной выдержки в скобках приведены те годы, на протяжении которых могло произойти описываемое событие. Иногда из самого текста читатель может усмотреть, в какой мере точно можно отнести цитату к тому времени, к которому отношу ее я. Князь Вяземский, напр., рассказывает, как однажды Пушкин, во время пребывания его на юге России, поехал на любовное свидание и, увлекшись карточной игрой, забыл о свидании. Я отнес это к одесскому периоду жизни Пушкина, но, конечно, с тою же вероятностью это могло произойти и в кишиневский период. Рассказы старожилых тех мест, где Пушкин бывал по несколько раз в своей жизни, я, опять-таки с некоторою долей произвольности, относил к тому времени, когда Пушкин всего дольше прожил в этой местности (если, конечно, не было прямого противосвидетельства в самом источнике). Так, напр., большинство сообщений о проживании Пушкина в Михайловском и Тригорском отнесено к 1824—1826 гг. Общие замечания о характере Пушкина, его привычках, наружности и т.п., если не было в источниках указания на точную дату, когда было высказано суждение, и если не было других каких-либо противопоказаний, я относил либо к тому времени, когда данное лицо всего чаще и интимнее встречалось с Пушкиным (напр., у Алексея Вульфа), либо к тому времени, когда оно видело Пушкина в последний раз. Супруги Нащокины, напр., в последний раз виделись с Пушкиным в мае 1836 года, к этому времени и отнесена общая характеристика, даваемая ими Пушкину.

Источники, на которые приходится ссылаться часто, привожу в сокращенном написании. Вот их полные заглавия:

- Алмосов А.* — Последние дни жизни и кончина А.С. Пушкина. Изд. Исакова. СПб., 1863.
- Анненков П.В.* — Материалы для биографии Пушкина. Изд. 2-е. СПб., 1873.
- Анненков П.В.* — Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874.
- Барсуков Н.П.* — Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1888—1910. Части 1—22.
- Бартенев П.И.* — Пушкин в Южной России. Изд. 2-е. М., 1914.

- Батюшков К.Н.* — Сочинения. Изд. П.Н. Батюшкова. СПб., 1886.
- Вигель Ф.Ф.* — Записки. Изд. «Русского Архива». М., 1891.
- Кн. П.А. Вяземский.* — Полн. собр. сочинений. Изд. графа С.Д. Шереметева. СПб., 1878—1887.
- Кн. П.П. Вяземский.* — Собрание сочинений. СПб., 1893.
- Гастфрейнд Н.А.* — Документы госуд. и с.-петербургского главн. архивов мин. иностр. дел, относящиеся к службе Пушкина. СПб., 1900.
- Грот Я.К.* — Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2-е. СПб., 1901.
- Дела III Отдел.* — Дела III Отделения об А.С. Пушкине. Изд. И. Балашова. СПб., 1906.
- Дуэль.* — Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. СПб., 1900.
- Липранди И.П.* — «Русский Архив», 1866.
- Майков Л.Н.* — Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899.
- Модзалевский Б.Л.* — Пушкин. Изд. «Прибой». Л., 1929.
- Модзалевский Б.Л.* — Пушкин под тайным надзором. Изд. «Парфенон». СПб., 1922.
- Никитенко А.В.* — Записки и дневник. СПб., 1905. Изд. 2-е.
- Ост. Арх.* — Остафьевский Архив князей Вяземских. Изд. графа С.Д. Шереметева. СПб., 1899.
- Павлицев Л.И.* — Воспоминания об А.С. Пушкине. М., 1890.
- Переписка Пушкина.* — Изд. Академии Наук. СПб., 1906.
- Полевой Кс.А.* — Записки. СПб., 1888.
- Пушкин и его совр-ки.* — Пушкин и его современники. Изд. Академии Наук с 1903 г.
- Рассказы о Пушкине.* — Издание М. и С. Сабашниковых. М., 1925.
- Рус. Арх.* — журнал «Русский Архив» под ред. П.И. Бартенева.
- Рус. Стар.* — журнал «Русская Старина» под ред. М.И. Семевского.
- Смирнова А.О.* — Автобиография. Изд. «Мир». М., 1931.
- Сологуб В.А.* — Воспоминания гр. В.А. Сологуба. Изд. А.С. Суворина. СПб., 1887.

- Шляпкин И.А.* — Из неизданных бумаг Пушкина. СПб., 1903.
Щеголев П.Е. — Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 2-е. СПб., 1917.
Яковлев В.А. — Отзывы о Пушкине с юга России. Одесса, 1887.

Подстрочные примечания, не подписанные, принадлежат составителю. Ему же принадлежат в тексте заключенные в скобки слова и фразы, набранные курсивом, объясняющие или исправляющие текст. Цитаты из источников, писанных на французском языке, приводятся в русском переводе. В скобках отмечается, что подлинник писан на французском или французско-русском языке (фр., фр.-рус.). Цитаты из писем помечаются просто именами автора письма и адресата, напр.: «А.И. Тургенев — кн. П.А. Вяземскому, 12 марта 1819 г.». Это значит: Тургенев в письме к Вяземскому. Цитаты из писем и заметок самого Пушкина приводятся без ссылок на определенное издание сочинений Пушкина: по дате письма или заметки всякий легко найдет их в любом имеющемся у него под руками издании Пушкина.

За указание на промахи и ошибки глубоко буду благодарен. Кто понимает, какая передо мною была трудная и новая работа, не станет слишком винить меня за них.

Горячая моя благодарность Мстиславу Александровичу Цявловскому за многообразную помощь, которую он мне оказывал в этой работе.

В. Вересаев

Москва, 7 февраля 1926 г.

Предисловие ко второму изданию

Многие читатели заявляли мне, что были бы очень желательны хотя бы краткие указания на степень достоверности тех или иных из сообщаемых данных о жизни Пушкина. В этом издании сообщения сомнительные отмечены впереди текста звездочкою. Разумеется, это еще не значит, что остальные сообщения вполне достоверны. Полная критическая проверка всех сообщаемых фактов была бы огромной работой, далеко выходящей за пределы задачи, преследуемой этою книгой.

Москва, 15 октября 1926 г.

Предисловие к третьему изданию

Книга эта вызвала в печати целый ряд отзывов — как отрицательных, так и одобрительных. Отвечать на большинство возражений не стоит. Некоторые можно отметить лишь как курьез. Мне, напр., ставилось в упрек, что в книге Пушкин не отражается как поэт, что представление о нем получается неполное. Ну конечно! По существу книга моя есть лишь сборник материалов, больше ничего. Материалом для суждения о Пушкине как поэте должны, естественно, служить его произведения, — не перепечатывать же мне было их в моей книге! Упрекали меня также, что не дана «социально-бытовая обстановка», не дана «эпоха» и т. п. Во сколько же томов должна бы была в таком случае разрастись моя книга! Конечно, и как поэт, и как продукт своей эпохи Пушкин должен найти отображение в своей биографии. Но книга моя — не биография Пушкина, считаю нужным повторить это еще раз. Она — только возможно полное и возможно объективное собрание материалов, касающихся непосредственно «Пушкина в жизни». Ничего, выходящего за намеченные пределы, от нее нельзя требовать.

Многих моих оппонентов коробит то якобы умаление личности Пушкина, которое должно получиться у читателей вследствие чтения моей книги. И все они дружно цитируют известное письмо Пушкина к Вяземскому по поводу уничтожения Т. Муром интимных записок Байрона:

«Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением. Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. Охота теперь видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки, потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могучего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал, и мерзок — не так, как вы, — иначе!»

Вот на этом необходимо остановиться подробно. Пушкин не один раз высказывал приведенную здесь мысль. Еще ярче и определеннее высказал он ее в стихотворении «Герой»:

*Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности холодной,
Завистливой, к соблазну жадной
Он угрождает праздно! Нет,
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...*

Высказываясь так, Пушкин был последователен. Но понимают ли мои оппоненты, к чему они сводят роль исследователя жизни великого человека, серьезно рекомендуя к руководству приведенную мысль Пушкина? Идеалом биографа делается Плутарх; печь великих людей становится легче, чем калачи или булочки. Неверно, что Наполеон в Яффском госпитале пожимал руки чумным больным? Ну, что ж! «Утешься... 29 сент. 1830 г. Москва»*. В этот день Николай посетил пораженную холерой Москву. И вот готов «герой» — русский император Николай II. «Да будет проклят правды свет!»

«Врете, подлецы: он и мал, и мерзок — не так, как вы, — иначе!» Так ли это действительно? Можно ли класть резкую, принципиальную качественно-разграничительную черту между «великим» человеком и обыкновенным? Нет спора, возможно, что одаренность в одной области накладывает своеобразный, необычайный отпечаток и на некоторые другие области душевной жизни человека. Но совершенно неверно, будто весь строй души великого человека, во всех его проявлениях, носит какой-то величественный, несвойственный другим людям отпечаток.

Если Гораций действительно бежал с поля битвы при Филиппах, «нечестно бросаю щит», то бежал он, как самый обыкновенный трус, а не как особенный какой-то талантливый трус. Бэкон Веруламский торговал должностями и брал взятки, как самый ординарный взяточник, а не как взяточник, обогативший философию индуктивным методом. Во время революции 1848 года Шопенгауэр предоставил свою квартиру правительственному отряду для более удобного обстрела баррикад; Шопенгауэр был гениальный философ, но в данном случае он поступал просто как богатый человек, как своекорыстный член своего класса, которому революция грозила нанести ущерб. И когда Пушкин делал «отеческие внушения» своим крепостным слугам, то действовал он тут не как-то по-особенному, а как «дитя ничтожное мира», как типичный барин той эпохи, воспитанный в глубочайшем неуважении к личности крепостного раба.

---

* Так заканчивается стихотворение Пушкина «Герой».